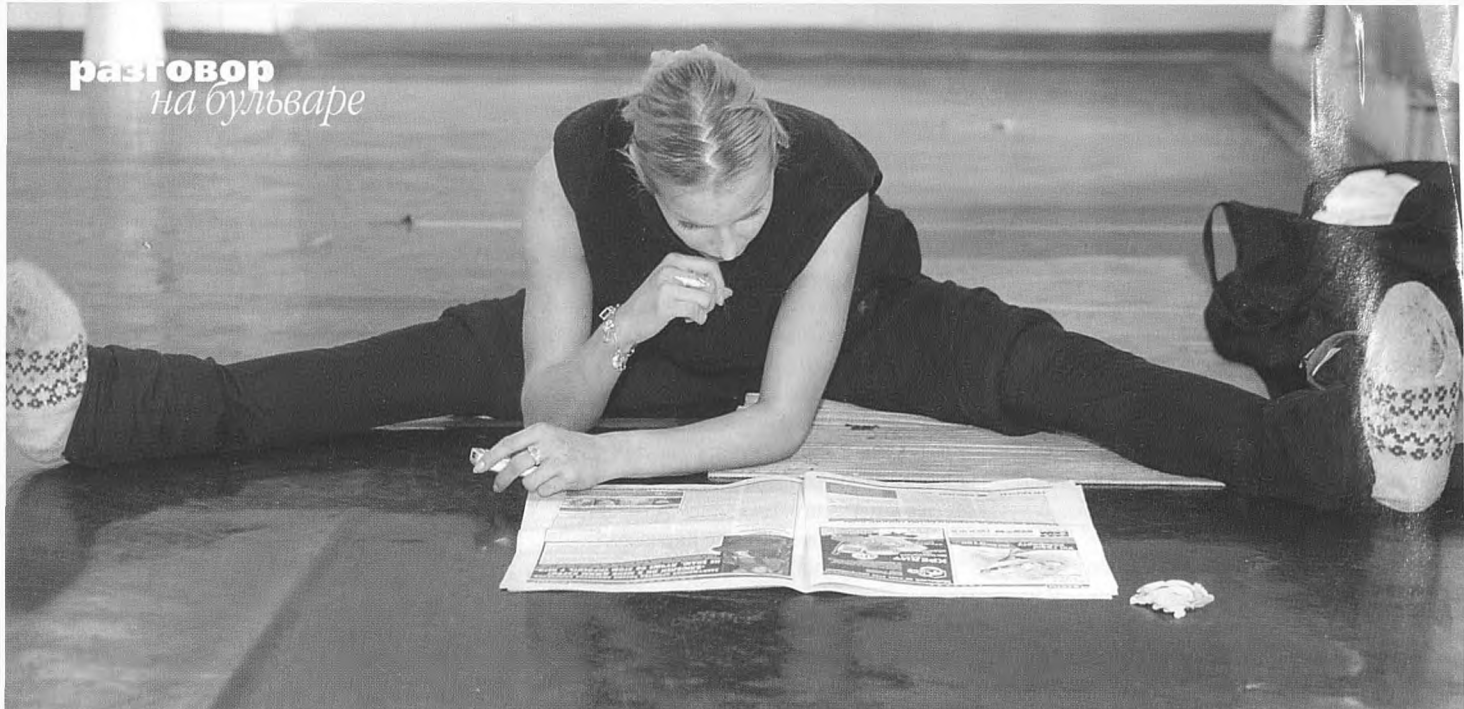

Балерина очень любит шерстяные носки. И говорит, что иногда берет их с собой в ресторан, когда предстоит долгая встреча с друзьями.

«Я очень мечтаю о дочке. Хочу, чтобы она стала моим единственным и очень любимым ребенком. Чтобы я достойно ее воспитала и вырастила светлым человеком».

— Гадостей не делают?

— Нет. Я замечательно общаюсь с девочками из кордебалета, со многими солистами, естественно, со своими партнерами Евгением Иванченко и Марком Перетокиным, которые поддерживали меня тогда и продолжают это делать сейчас. Еще я работаю с молодым и талантливым педагогом Элиной Пальшиной. Так что в этом плане все хорошо. Самое главное знаете что? Я не держу на администрацию зла, даже отчасти мне их немножко жаль. Жаль, что они так поступают в общем-то не по своей воле, потому что я прекрасно знаю, что никто не мог в мой адрес даже замечания сделать. Не было повода. Тяжело было, когда отвернулись очень сильные люди, которые могли протянуть руку помощи. Отвернулись или заняли позицию наблюдателя.

— Обиды на них нет? Сейчас-то вы с ними, наверное, опять общаетесь?

— Все вновь повернулись и вновь рукоплещут. А обиды нет никакой, я вообще стараюсь отказать от этого чувства. Я его заменила на огорчение. Вот оно есть.

— А с артистами? С тем же Цискаридзе, который весьма нелестно о вас отзывался?

— Я знаю все, что обо мне говорил Николай, но тем не менее я уважаю его как танцовщика и считаю одаренным человеком. И когда меня выгоняли из театра, он помог мне провести еще несколько репетиций балета "Раймонда". Ну, ему дано право говорить обо мне все, что он думает и что хочет.

— Что касается театра. Согласитесь, если к вам захотят придраться, то придурятся в любом случае.

— В этом плане да. И сейчас я уже могу не скрывать, что для меня были поставлены жесточайшие условия моего возвращения. На меня

был заведен специальный файл, куда сбрасывали не то чтобы промахи, а даже мелочи, к которым можно было придраться. Отмечали каждое мое появление на уроке балетного класса. Были выстроены жесточайшие графики моих репетиций. Навязывали время занятий, допустим, с трех до шести, хотя до меня и после зал мог пустовать. Знаете, что касается моих отъездов, то я была вынуждена утром приходить на урок Большого театра, чтобы меня отметили галочкой, затем садиться в дневной самолет и после перелета танцевать спектакль. А утренним рейсом в 6.30 или в 7 часов возвращаться обратно. Сразу идти на урок, вставать к балетному станку, чтобы никто не заметил моего отсутствия. И я выдержала этот испытательный срок, который длился больше полугода.

Именно в этом платье Анастасия вышла два года назад на подиум, после чего ее тут же несколько раз выдали замуж.